

GABRIELA LENERTOVÁ
Univerzita Palackého, Olomouc

СИНКРЕТИЗМ ЧАСТЕЙ РЕЧИ:
СУБСТАНТИВАЦИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
(В СОПОСТАВЛЕНИИ
РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ)

Настоящая статья посвящена субстантивации имен прилагательных как одному из современных феноменов и проявлений синкретизма в лингвистике. Субстантивации имен прилагательных посвящены многочисленные работы, достаточно подробно описывающие переход имен прилагательных в состав имен существительных как семантическое и грамматическое явление (Перльмуттер 1948; Постникова 1960; Марков 1961; Ройзензон 1962а, б; Воронцова 1967; Лопатин 1967; Лукин 1969а; Голубева 1970; Климовская 1973; Яцкевич 1974, 1977; Ильенко 1977; Ковалевская 1977; Карашук 1984; Игнатьева 1992; Редькина 2003; Богданов, Смирнов 2004; Высоцкая 2005; Фысина 2007 и другие), тем не менее, трудно искать работы, посвященные субстантивации в русском языке в сопоставлении с чешским, и поэтому целью нашего исследования является сжато объяснить суть и проявления синкретизма в морфологии и в системе частей речи, следовательно, дать основную характеристику субстантивации в целом, и на основе вышеизложенного мы попытаемся описать субстантивированные прилагательные в качестве синкретичных явлений и сопоставить проявления данного явления в русском и чешском языках. Материалом настоящего исследования послужили прозаические (реже поэтические) произведения русской и чешской классической и современной литературы, а также материалы словарей, главным образом, *Грамматический словарь русского языка* Андрея Зализняка, который для указанной цели является весьма полезным.

СИНКРЕТИЗМ ЧАСТЕЙ РЕЧИ...

Термин «синкретизм» (лат. *syncretismus*, от греч. *συνκρητισμός* — соединение, объединение) характеризуется многозначностью и количеством толкований, отличающихся друг от друга в зависимости от сферы употребления и области научного знания. Данный термин первоначально использовался в связи с определением древнейшего искусства как «сочетание ритмованных, оркестрических (танцевальных) движений с песней-музыкой и элементами слова» (Береснева 2012: 20), особенно широкое распространение синкретизм получил также в теологии в позднюю эпоху античности в связи со смешением разнообразных религиозных методов (Высоцкая 2005: 9). В XVI веке синкретистами называли философов, которые пытались занимать промежуточное положение между учениями Платона и Аристотеля (*Философский энциклопедический словарь* 2009) и, следовательно, понятие «синкретизм» начало использоваться во многих сферах науки в связи с недифференцированными явлениями без однозначного ограничения и со слиянием разнородных элементов (*Толковый словарь Ушакова* 1935–1940). Таким образом, общепринятыми стали толкования синкретизма как слитность и нерасчлененность. По словам Ладислава Воборила, «такое понимание синкретизма имеет свои онтологические корни, ибо мир по своей сути синкретичен, являясь неразрывным единством, универсальной целостностью, единством многообразного, что находит свое отражение в сознании, мышлении и, следовательно, в языке как средстве объективации духовного» (Воборил 2015: 15), так как уже «архаический человек синкретически воспринимает данные разных органов чувств, себя и природе, 'я' и 'другого', слово и обозначаемый им предмет, ритуальное и бытовое действия, искусство и жизнь» (Бройтман 2001: 19).

Именно в онтологическом единстве следует искать истоки лингвистического синкретизма, который является заимствованным. В окружающем нас мире многие объекты и явления совмещают в себе разнохарактерные свойства (Резунова 2004: 10), и такая «совокупная и расчлененная целостность» объясняет существование синкретизма в языке (Воборил 2015: 15). Считается, что в лингвистику термин «синкретизм» введен Луи Ельмслевым в первой половине XX века (*Пролегомены к теории языка*, 1960) и в 1966 г. синкретизм был включен в корпус *Словаря лингвистических терминов*, где настоящему термину посвящена отдельная статья:

Синкретизм — функциональное объединение разных форм выражения, нейтрализация противопоставлений (оппозиций); совпадение означающих при различных означаемых. Сокращение в процессе развития языка числа категориальных форм, реализующих данную грамматическую категорию, сопровождаемое изменением (расширением) функций сохраняющихся категориальных форм и приводящее к грамматической омонимии (Ахманова 1966: 406).

В сфере лингвистического синкретизма очень важно представление о совмещении семантических и грамматических свойств разных явлений, чему в конце 60-х гг. XX в. (1967 и след.) посвятила свои работы Вера Бабайцева, положив таким образом начало исследованиям явлений переходности и синкретизма в грамматическом строе современного русского языка. Бабайцева ввела также термин «синкретичные явления» для наименования переходных явлений между типичными грамматическими категориями (Высоцкая 2005: 16), понимая синкретизм как

1) Совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий в одной форме; 2) Совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка, противопоставленных друг к другу в системе языка и связанных явлениями переходности. Это разного рода гибридные (контаминационные, промежуточные, диффузные) образования (*Лингвистический энциклопедический словарь* 1990: 446).

Синкретизм свойственен всему (конечно, не только русскому) языку, включая падежи, некоторые разряды слов, значения, предложения, члены предложения и многое другое, в том числе части речи, что подтверждает, например, мнение Клары Штайн, согласно которому «язык рассматривается как сложная самоорганизующаяся система, в которой процессы обмена функциями и значениями происходят в каждой точке системы» (Штайн 2001: 19). В грамматическом строе современного русского языка не исключительным является переход (или трансформация) слов из одной части речи в другую, что вызывает невозможность классифицировать некоторые явления в привычные категории системы частей речи, вследствие чего ученые начали уделять внимание переходным явлениям морфологического уровня (Сидоренко 1990: 102). По словам Галины Инфантовой,

[...] интерес ко всему нешаблонному, промежуточному, совмещающему разнотипные признаки, как правило, свидетельствует об определенном

СИНКРЕТИЗМ ЧАСТЕЙ РЕЧИ...

уровне развития науки, о том, что типичное, однотипное, изучено достаточно хорошо, и что для менее типичного, таким образом, есть уже соответствующий фон (Инфантова 1992: 113).

Основываясь на сути лингвистического синкретизма в целом, для явления переходности частей речи можно предложить название «морфология взаимосвязей (взаимозависимостей, взаимодействий)», которое достаточно четко выражает данную идею. Ирэна Высоцкая в рамках настоящей теории выделяет следующие основные положения:

1) части речи, как и другие языковые сущности, имеют полевую природу; 2) части речи не имеют четко определенных границ, они не изолированы и находятся в постоянном взаимодействии друг с другом; 3) в результате взаимодействия разных частей речи возникают синкретичные образования, совмещающие в различных пропорциях свойства противопоставленных грамматических классов слов (Высоцкая 2005: 79).

Результатом взаимодействия (переходности, трансформации) частей речи являются синкретичные явления, т.е. слова, которые совмещают в своей грамматической структуре в той или иной степени признак двух или больше частей речи. Нина Валгина определяет настоящее явление следующим образом: «Если слово, принадлежащее к определенной части речи, утрачивает (или изменяет) свое основное лексическое значение и морфологические признаки, присущие данному ряду слов, оно приобретает черты другой части речи, и в соответствии с этим меняются его синтаксические функции» (*Современный русский язык* 2003). В качестве основных причин появления синкретизма в сфере частей речи ученые называют экстралингвистические причины, а именно попытки экономить языковые средства, то есть «потребность человека в выражении многообразных оттенков мыслей имеющимися средствами» (Баудер 1980: 80).

Примером морфологического синкретизма частей речи может служить субстантивация имен прилагательных. В современной лингвистике общепринято классифицировать части речи на основе трех критериев, а именно: 1) категориального значения, 2) общности морфологических категорий и 3) синтаксических функций. Так, для имен существительных характерно, что они: 1) обозначают предмет (субстанцию) в широком смысле слова, 2) данное значение они выражают в словоизменительных категориях числа и падежа и в неслово-

изменительной категории рода и 3) основной синтаксической функцией имени существительного считается функция подлежащего и дополнения, в отличие от имен прилагательных, которые: 1) выражают статичный признак предмета, 2) имеют те же грамматические категории — число, падеж и род (в отличие от существительных, категория рода прилагательных словоизменительная), однако, зависящие от грамматических категорий имен существительных, признак которых прилагательные выражают 3) в синтаксисе выполняют первичную функцию согласованного определения (*Русская грамматика* 1980). Субстантивированные прилагательные трудно классифицировать, они обладают некоторыми свойствами обеих частей речи — субстантиваты являются промежуточными, синкретичными, так как они: 1) обозначают предмет с определенным признаком — в одном выражении совмещаются значения слов двух разных частей речи, 2) приобретают морфологические признаки существительного — само собой разумеющегося означаемого предмета, опущенного члена атрибутивного сочетания, однако, у субстантиватов имеет место сокращение состава их парадигмы: некоторые из них, например, связаны только с одним родом (например, слово *рабочий* в качестве имени прилагательного можно использовать в мужском, женском и среднем роде, в то время как *рабочий* в качестве субстантивата обычно ассоциируется только с мужским родом, однако, некоторые субстантиваты сохраняют ту же характеристику рода, как у прилагательных: *пришел один мой знакомый* и *пришла одна моя знакомая*), некоторые субстантивированные прилагательные имеют только форму множественного числа (*наличные*) (*Русская грамматика* 1990: 45). Субстантивированные лексемы, одновременно, освобождены от грамматических категорий, характерных для прилагательных, тем не менее, по своей форме они прилагательными остаются, 3) принимают синтаксическую позицию предмета (всего атрибутивного сочетания) — начинают выполнять функции подлежащего и дополнения, ср.: *И вспомнилось ему, как он тосковал по родине, как слепая нищая каждый день у него под окном пела о любви и играла на гитаре, и он, слушая ее, почему-то всякий раз думал о прошлом* (Чехов). Итак, основываясь на вышеизложенном, можно обобщить, что субстантивация является семантическим и грамматическим явлением, результатом взаимодействия частей речи и активным процессом в современном

СИНКРЕТИЗМ ЧАСТЕЙ РЕЧИ...

языке и речи, связанным со словообразованием, морфологическим и синтаксическим уровнем языковой системы. Принцип настоящего явления заключается в том, что в определенных синтаксических позициях обозначают предмет и проявляют морфологические свойства имени существительного слова других частей речи — в данном случае имен прилагательных (Высоцкая 2009: 12). Суть данного несловообразовательного способа образования наименований заключается в переходе имен прилагательных в разряд имен существительных без какого-нибудь формального преобразования — первоначальный признак предмета (лица, какого-либо существа) становится самостоятельным названием носителя признака (например: *больной человек* → *больной*; *сладкое блюдо* → *сладкое* и т.п.). Одновременно с изменением частеречной принадлежности меняется также синтаксическая позиция и функция субстантивированных имен прилагательных в предложении — типичное имя прилагательное употребляется в функции согласованного определения, а «субстантиваты» начинают выполнять первичные для имен существительных функции подлежащего и дополнения, так как они полностью заменяют существительные в тексте, однако, формально они остаются прилагательными — склоняются по образцам прилагательных. Отсюда следует сделать вывод, что субстантивированные прилагательные, бесспорно, являются синкретичными, так как они сочетают в себе свойства обеих частей речи — имен существительных, а также одновременно имен прилагательных.

Исследуемый несловообразовательный способ образования наименований, при котором не возникают совершенно новые слова или дериваты от однокоренных слов, а имеющиеся слова только переходят в разряд другой части речи и приобретают новые значения без изменения их формы, чаще всего является следствием универбизации атрибутивных сочетаний — имени прилагательного в качестве означающего с именем существительным как означаемым. Принципом такой универбизации является опущение означаемого члена атрибутивного сочетания (как самого собой разумеющегося, аксиоматического), оставшийся означающий член примет значение и синтаксическую позицию всего сочетания (например: *zelená barva* → *na semaforu naskočila zelená* — т.е. *зеленый цвет*; *netočný člověk* → *zavolejte dalšího netočného* — т.е. *больного человека, паци-*

ента). Имя прилагательное субстантивируется не во всех своих значениях в целом, а только в конкретном значении, которое оно имеет в исходном атрибутивном сочетании — значит, что для субстантивированных имен прилагательных характерная конкретизация их общего лексического значения. Изменение при субстантивации семантики имени прилагательного одновременно связано с «включением в его семантическое поле значения имени существительного, то есть с семантической компрессией, при которой в одном языковом знаке совмещаются значения слов двух разных частей речи» (Редькина 2003: 50). Для примера представим значение субстантивата *второе*: к основной семе «нечто, второе по счету» в результате субстантивации добавляется элемент значения «блюдо, кушанье». Таким образом, субстантивированное числительное *второе*, в первую очередь, называет предмет, а обозначение порядкового номера предмета при счете — это один из элементов значения данного субстантивата (Редькина 2003: 39).

В связи с вышеизложенным можно констатировать, что большинство субстантивированных имен прилагательных является результатом опущения означаемого имени существительного. Настоящий вид трансформации называется эллипс/эллипсис, то есть «невыраженность тех фрагментов предложения, значение которых может быть восстановлено из контекста» (Тестелец 2011). Как мы объяснили выше, говоря о сути субстантивации имен прилагательных в целом, эллипсис слова вызывает смену частеречного статуса другого слова, подчиненного первому. Например, в выражении *шампанское вино* слово *вино* обычно лишнее, потому что с другими существительными *шампанское* не употребляется (разве что в женском роде), и *шампанское* берет на себя роль существительного (Тестелец 2011). Итак, если «в прилагательном есть намек на предмет, и если предмет известен настолько, что одного намека достаточно, [...] существительное опускается» (Пешковский 1956, 134). «Существительное продолжает подразумеваться, но перестанет произноситься, в связи с чем его грамматические признаки (характер категории рода, числа, падежа, синтаксическая функция) передаются прилагательному» (например: *запасной игрок* → *запасной, наличные деньги* → *наличные*) (Редькина 2003: 52). Процесс образования субстантиватов путем эллипсиса свойственен обоим интересующим нас языкам — как русскому, так чешскому.

СИНКРЕТИЗМ ЧАСТЕЙ РЕЧИ...

Следующим из двух путей, которыми субстантивированные слова адъективного склонения появляются в русском и чешском языках, является возникновение под влиянием **аналогии**, в связи с чем необходимо упомянуть вопрос о так называемой «ложной» субстантивации прилагательных.

Некоторые единицы языка, традиционно рассматриваемые как субстантивированные прилагательные, никогда не употребляются в сочетании с существительным, а, минуя эту ступень и не пройдя через стадию эллипсиса, сразу стали существительными (Редькина 2003: 54).

В качестве примера можно указать такие слова, как *парикмахерская*, *учительская*, никогда не употреблявшиеся в сочетании с существительными *мастерская*, *комната* (однако, большинство лексем данного типа вполне возможно употреблять также в качестве прилагательных, напр.: *парикмахерская услуга*, *учительская профессия*). Таким образом, подобные субстантиваты образуются по аналогии с существующей в языке моделью субстантивации (ср.: *парикмахерская*, *учительская* — как *гостиница*, *столовая*). Такие субстантиваты, не происшедшие из сочетания прилагательного с существительным, были замечены, например, Александром Пешковским, который писал, что «при таких словах, как *родной*, *больной*, *хромой*, *слепой*, *глухой* и т.д., слова *человек* никогда и не было» (тем не менее, сочетание подобных лексем в качестве прилагательных с существительными также возможно: *хромая лошадь* и др.) (Пешковский 1956: 136). По мнению ряда исследователей (Бортэ 1985, Бунина 1976, Лукин 1969, Марков 1961, Низинская 1972, Перльмуттер 1948, Ройзензон 1962 и т.д.), «образование субстантиватов по аналогии с уже существующими в языке словами без происхождения через стадию эллипсиса не является субстантивацией в полном смысле этого термина, несмотря на то, что их внешняя форма и грамматические признаки полностью тождественны свойствам субстантивированных прилагательных, так как речь идет не о морфолого-синтаксическом, а о морфологическом словообразовании» (Редькина 2003: 54). Однако, в нашей работе субстантиваты, образованные по аналогии, не квалифицируются как «ложные» субстантиваты, так как образование слова в соответствии с существующей в языковой системе моделью включает его в какой-то определенный смысловой ряд. Наше мнение совпадает, например, с мнением Ольги Редькиной, ко-

торая убеждена, что «будучи включенными в смысловые ряды субстантиватов со значением помещения и лица, они автоматически вобрали в свое семантическое поле значение указанных существительных» (Редькина 2003: 55).

Субстантивация имен прилагательных как средство обозначения предмета (лица, существа — носителя признака) используется особенно в рамках определенных семантических групп или моделей, характеризующихся большей или меньшей степенью устойчивости, так как «наличие модели, или смыслового ряда, является одним из основных условий субстантивации прилагательных и слов адъективного склонения» (Редькина 2003: 53). «Под моделью субстантивации следует понимать группу субстантиватов, являющихся видовыми обозначениями по отношению к общему родовому понятию, составляющему вершину модели» (Редькина 2003: 175). В русском языке встречаются, например, существительные *pluralia tantum*, к числу которых принадлежат названия денежных выплат (например: *наличные* — *hotovost*, *премиальные* — *prémie*, *суточные* — *diety* и др.), в то время как в чешском языке в данном значении чаще употребляются существительные (субстантивированные прилагательные) среднего рода, которые на другом языке даже часто не имеют однословного эквивалента (например: *školné* — *плата за обучение*, *výživné* — *деньги на содержание ребенка/алименты*, *ustupné* — *входная плата*, *nájemné* — *арендная плата*, *jízdné* — *плата за проезд* и др.), тем не менее, как показали результаты нашего исследования, субстантиваты, относящиеся к настоящей семантической группе, иногда встречаются также в русском языке, однако, это преимущественно историзмы, данный тип является непродуктивным (например: *отступное* — *odstupné*). В связи с указанной моделью следует отметить, что в чешском языке изменяются грамматические категории субстантиватов, в настоящем исследовании мы сталкиваемся особенно с изменением категории числа — в некоторых случаях, субстантиваты, возникшие из атрибутивного сочетания первоначально во множественном числе, в настоящее время употребляются в единственном числе: например, лексема *spropitné* (по смыслу деньги — множественное число) сейчас употребляется без означаемого имени существительного — ср.: *nikdo nechce dávat na spropitném zbytečně mnoho peněz*. В русском языке подобные изменения нами обнаружены не были.

СИНКРЕТИЗМ ЧАСТЕЙ РЕЧИ...

Интересной грамматической особенностью определенных субстантивированных прилагательных в русском языке является также их правописание, а именно упрощение двойного согласного звука -нн (например: *раненный человек* → *принесли раненого*; *мороженная рыба* → *люблю мороженое* и тому подобное). Правописание н/нн в таких случаях нельзя заменить.

Как показали результаты обработки собранных текстовых материалов, субстантивация относится к числу наиболее частых способов словообразования в системе современного русского языка. В чешском языке субстантивация имен прилагательных (по-чешски *substantivizace adjektiv, zpodstatňování přídavných jmen*) по сравнению с другими (особенно европейскими — например, английским и немецким) языками не столь распространена, тем не менее, роль данного способа образования наименований в системе чешского языка, безусловно, не является незначительной. Продуктивность настоящего явления Людмила Зубова объясняет следующим образом: «по сравнению с суффиксальным словообразованием частеречная трансформация — кратчайший способ выражения непредметной семантики» (Зубова 2012: 251). Взаимодействие имен существительных с прилагательными вполне естественно, на что в своем исследовании указывает также Высоцкая: «Близость имен существительного и прилагательного очевидна, поскольку прилагательное семантически и грамматически зависит от существительного. Именно сочетаемость с существительным — важнейший показатель принадлежности слова к классу прилагательных» (Высоцкая 2009: 13). «Без существительного, явного или подразумеваемого, нет прилагательного», писал также Лев Щерба (Щерба 2007: 70). О легкости перехода имен прилагательных в разряд существительных Людмила Яцкевич даже писала, что «любое прилагательное в определенных контекстуальных условиях может быть подвергнуто субстантивной транспозиции» (Яцкевич 1977: 104), в связи с чем следует указать на значимость контекста при анализе субстантивированных единиц, чего в имеющихся работах, посвященных настоящему явлению, практически нет. Лишь Людмила Яцкевич в своей статье подчеркивает, что значение субстантивированных прилагательных

предсказуемо только в самом общем виде, и, как правило, прямо не выводится из лексического значения мотивирующего прилагательного. [...] Для выяснения семантического и парадигматического содержания данных слов необходим широкий контекст (Яцкевич 1977, с. 103).

Ольга Редькина насчет вышеуказанного добавляет, что «субстантиват образуется на базе прилагательного, то есть представляет собой производное, мотивированное слово. Введение такого слова в текст может быть обусловлено контекстом» (Редькина 2003: 141), который целесообразно называть **мотивирующим контекстом**.

Под мотивирующим контекстом мы понимаем фрагмент текста, в пределах которого субстантивированная форма выступает как семантически самодостаточное слово. Другими словами, мотивирующий контекст — это фрагмент текста, создающий условия для обоснованного употребления и адекватного понимания субстантивата (Редькина 2003: 141).

Он может носить поясняющий, поддерживающий характер, на основании чего прилагательные могут быть признаны субстантиватами, ср.: *Кто-то печальный и длинный, весь обвернутый в белый атлас, ей (Софье Петровне) навстречу пошел по пустеющим залам [...] Но печальный и длинный медленно покачал головою, приложил палец к устам и велел ей молчать* (Белый). Однако, в результате обработки имеющегося текстового материала мы обнаружили, что во многих конструкциях, содержащих субстантиват, мотивирующий контекст отсутствует — видимо, что многочисленные прилагательные практически не зависят от контекста, в котором они употребляются. Мы связываем это с тем, что «прилагательные с низкой степенью зависимости от контекста очень употребительны, т.е. характеризуются высоким коэффициентом частотности» (Редькина 2003: 142), имеют узуальный характер или обобщающую семантику. К числу наиболее употребляемых субстантиватов, не очень зависящих от контекста, относятся, например, лексемы *будущее*, *знакомый*, *прошлое* и т.д. — подобные лексемы, как правило, не требуют пояснения, ср.: *После трех лет работы в типографии Артем растерял всех институтских знакомых, кроме Арсения* (Куталов). *Творчество Александра Блока — целая поэтическая эпоха, эпоха недавнего прошлого* (Маяковский). Однако, кроме того, что в определенных контекстах вышеуказанные лексемы существуют в качестве самостоятельных существительных, их можно употреблять также в их первичной функции прилагательных — напр.: *будущее поколение*, *знакомый запах*, *прошлое тысячелетие* и тому подобное. С другой стороны, существуют также субстантивированные формы, сильно зависящие от моти-

СИНКРЕТИЗМ ЧАСТЕЙ РЕЧИ...

вирующего контекста. Наиболее частыми являются, например, следующие субстантиваты: *прохожие, больной, молодой, рабочие, маленький* и другие, напр.:

Он — это учитель литературы, маленький, ехидный человек. [...] Анатолий проводил (электропроводку) как раз в учительской, когда этот маленький попросил: «А один конец вот сюда спустите...» (Шукшин).

Итак, основываясь на вышеуказанных положениях, можно прийти к выводу, что большинство прилагательных невозможно с уверенностью считать субстантиватами без знания окружающего их контекста и синтаксической позиции.

Тем не менее, четкая классификация прилагательных в разряд субстантиватов возможна не всегда, хотя их контекстуальное окружение и семантическая позиция известны. В качестве средства иллюстрации взаимосвязи разных явлений языка, в том числе исследуемых нами частей речи, применяется предложенная Верой Бабайцевой так называемая шкала переходности, позволяющая показать синкретичные образования, совмещающие признаки двух (и более) частей речи, между противопоставленными явлениями, обладающими полным набором дифференциальных признаков, систематизация которых однозначная:

A — Аб — (Абб) — АБ — (ааБ) — аБ — Б.

Таким образом, на шкале переходности с помощью буквенных символов представлены типичные единицы языка (А и Б) — взаимодействующие части речи, между которыми располагаются синкретичные явления, совмещающие (в разных пропорциях) свойства противопоставленных типичных единиц языка. Зону синкретизма образуют звенья Аб, АБ, аБ, среди которых можно выделить так называемые периферийные (Аб и аБ) и промежуточные (АБ) образования. Как уточняет Бабайцева, периферийные звенья — это

[...] слова и группы слов, у которых отсутствуют или не ярко выражены какие-либо дифференциальные признаки, характерные для ядра данной части речи. Их отсутствие или ослабление возмещается появлением каких-либо дифференциальных признаков сопоставляемого полярного типа (А или Б) (Бабайцева 1983).

Для промежуточных образований характерно равновесие сочетающихся дифференциальных признаков. У слов данного

типа «отсутствует четкая доминантность и противоборствующие тенденции примерно равновелики» (Адмони 1961: 5). Так, «зона синкретизма — это область переходных образований, характеризующихся синтезом (совмещением) дифференциальных признаков взаимодействующих частей речи» (Бабайцева 1983). С целью продемонстрировать функционирование вышеуказанной теории на практике приведем несколько конкретных примеров — предложений, содержащих в большей или меньшей степени субстантивированные имена прилагательные:

1. Принесли бренди, он неторопливо пил, ища знакомые лица (Кэт).

Лексема *знакомые* в настоящем предложении является типичным прилагательным (А) в роли согласованного определения.

2. Он был недоволен поведением Собакевича. Все-таки, как бы то ни было, человек знакомый, и у губернатора, и у полицеймейстера выдались, а поступил как бы совершенно чужой, за дрянь взял деньги! (Гоголь).

Указанный пример нами воспринимается как периферийное звено (Ааб), будучи именной частью составного сказуемого. Из-за наличия опорного существительного *человек* можно воспринимать зависимый компонент *знакомый* как имя прилагательное.

3. Получается, вы не просто знакомые, скорее у вас были дружеские отношения, если вы позволяли себе его злить (Соболева).

Синкретичную лексему *знакомые* (Аб) невозможно классифицировать однозначно, так как в этом случае она может восприниматься как прилагательное и как субстантиват. Чтобы точнее определить, как использованное в вышеуказанных двух периферийных случаях слово мыслится, необходимо знать более широкий контекст.

4. Если я не ошибаюсь, — начал я, подходя к своей основной теме, — в этом доме живет мой старый знакомый (Фольдекс).

Вследствие добавления прилагательного *старый* в состав сказуемого подчеркнуты субстантивные свойства компонента *знакомый* (Абб).

5. Многие наши знакомые восприняли бы это как нечто совершенно естественное (Успенский).

СИНКРЕТИЗМ ЧАСТЕЙ РЕЧИ...

Словоформа *знакомые* здесь употреблена в функции подлежащего и, таким образом, она может быть воспринимана как промежуточное явление (АБ) — субстантиват, отчетливо противопоставлен прилагательному в первом примере.

Видимо, что одна лексема в разных случаях и синтаксических позициях проявляет свойства типичного (ядерного) прилагательного, синкретичного образования, совмещающего свойства обеих частей речи, а также субстантивата, употребляемого в роли существительного. Как было нами показано, «маркером субстантивации можно считать не только употребление при слове согласованного определения, но и обособленного определения и определительной придаточной части» (Высоцкая 2006:127).

Итак, в настоящей статье, посвященной субстантивации имен прилагательных, мы объяснили термин «синкретизм» в целом, так как взаимодействие и переходность частей речи, в том числе интересующая нас субстантивация имен прилагательных, является одним из его проявлений в области лингвистики. Следовательно, были нами показаны морфологические и синтаксические особенности субстантивированных прилагательных, в том числе грамматические категории и синтаксические позиции, в которых они в функции существительного выступают, а также принцип возникновения субстантиватов и возможные пути, которыми субстантивированные слова адъективного склонения появляются в русском и чешском языках, а именно эллипсис и возникновение под влиянием аналогии. Не в последнюю очередь, была нами указана так называемая шкала переходности, позволяющая показать синкретичные явления, и, следовательно, с помощью конкретных примеров было нами продемонстрировано функционирование вышеуказанной теории на практике. Синкретичные явления в качестве субстантиватов очень часты в русском и чешском языках, так как практически любое прилагательное может быть подвергнуто субстантивной транспозиции. Настоящее явление, на наш взгляд, очень актуально, учитывая современные тенденции в языке и речи, а именно попытки экономить языковые средства, потому что субстантивация позволяет выразить многообразные оттенки мыслей имеющимися средствами и не требует образования совершенно новых лексем. Данное явление одновременно является кратчайшим способом выражения непредметной семантики, и поэтому оно является очень продуктивным и широко используемым, так как сфера

употребления субстантиватов не ограничена каким-либо одним определенным стилем: они являются общими как для устной разговорной, так и для литературно-письменной форм речи.

ЛИТЕРАТУРА

- В.Г. Адмони, *О многоаспектном доминантном подходе к грамматическому строю* // «Вопросы языкознания» 1961, № 2.
- О.С. Ахманова, *Словарь лингвистических терминов*, Едиториал УРСС, Москва 2004.
- В.В. Бабайцева, *Гибридные слова в системе частей речи современного русского языка* // «Русский язык в школе» 1971, № 3.
- В.В. Бабайцева, *Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка* // «НДВШ Филол. науки» 1983, № 5.
- В.В. Бабайцева, *Синкретизм* // В. Н. Ярцева (гл. ред.), *Лингвистический энциклопедический словарь*, Советская энциклопедия, Москва 1990.
- В.В. Бабайцева, *Явления переходности в грамматике русского языка*, Дрофа, Москва 2000.
- Т.К. Бардина, *Проблема лексико-грамматической переходности частей речи в современном русском языке: диссерт. на соискание уч. ст. кандидата фил. наук*, Волгоградский государственный педагогический университет, Волгоград 2003.
- А.М. Барзилович, *Субстантивация прилагательных в русском и украинском языках* // «Филологический сборник» (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко) 1954, № 13.
- А.М. Барзилович, *Типы субстантивированных прилагательных в русском языке* // «Вестник Киевского национального университета имени Тараса Шевченко» 1962, №5.
- А.Я. Баудер, *К лингвистической интерпретации явлений переходности в грамматическом строе русского языка* // «Филологические науки» 1980, №5.
- В.А. Береснева, *Теоретические аспекты лингвистического синкретизма как категории общего языкознания: диссерт. на соискание уч. ст. доктора фил. наук*, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров 2012.
- С.Н. Бройтман, *Историческая поэтика: учеб. пособие*, РГГУ, Москва 2001.
- Н.С. Валгина, *Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по филол. направлениям и спец.*, Логос, Москва 2003.
- Н.С. Валгина и др., *Современный русский язык: учебник для вузов*, 6-е изд., перераб. И доп., Логос, Москва 2003.
- В.В. Виноградов, Е.С. Истрин., С.Г. Бархударов (ред.), *Грамматика русского языка*, т. 1: *Фонетика, морфология*, Изд. Академии наук СССР, Москва 1960.
- И.В. Высоцкая, *Синкретизм в системе частей речи современного русского языка*, МПГУ, Москва 2006.
- И.В. Высоцкая, *Субстантивация в свете теории синхронной переходности*, НГПУ, Новосибирск, 2009.

СИНКРЕТИЗМ ЧАСТЕЙ РЕЧИ...

- Е.Ф. Губский и др., *Философский энциклопедический словарь*, ИНФРА-М, Москва 2009.
- Л. Ельмслев, *Прологомены к теории языка*, пер. с английского Ю.К. Лекомцева // Л. Ельмслев, *Новое в лингвистике*, вып. 1, Издательство иностранной литературы, Москва 1960.
- А.А. Зализняк, *Грамматический словарь русского языка: словоизменение: около 110 000 слов*, изд. 6-е, стер., АСТ-ПРЕСС, Москва 2009.
- Г.Г. Инфантова, *Синкретизм в синтаксисе русской разговорной речи (на материале экономики сегментных средств) // Явления синкретизма в синтаксисе русского языка*, Изд-во РГУ, Ростов н/Д. 1992.
- Ю.Н. Караулов (ред.), *Русский язык. Энциклопедия*, Научное издательство «БСЭ», Москва 2003.
- Б.А. Ларин, *История русского языка и общее языкознание*, Просвещение, Москва 1977.
- П.А. Лекант, Н.Г. Гольцова, П.В. Жуков и др., *Современный русский литературный язык*, Высшая школа, Москва 1988.
- А.М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, Языки славянской культуры, Москва 1956.
- М.В. Пименова, *Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // «Вопросы языкознания» 2011, № 3.*
- М.В. Пименова, *О лексико-семантическом синкретизме // L. Vobořil (ред.), Rossica Olomucensia LIII. Синкретизм и полифункциональность в языке*, Univerzita Palackého v Olomouci, Olomouc 2014.
- О.В. Редькина, *Субстантивация как семантическое явление: Языковой и функциональный аспекты: диссертация кандидата филологических наук*, Киров 2003.
- М.В. Резунова, *Переходность и синкретизм причастий в лексикографическом и художественном дискурсе в русском, английском и немецком языках*, АКД, Орел, 2004.
- Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова, *Словарь-справочник лингвистических терминов*, Просвещение, Москва 2001.
- Е.Н. Сидоренко, *Очерки по теории местоимений современного русского языка*, Лыбидь, Киев–Одесса 1990.
- Я.Г. Тестелец, *Эллипсис в русском языке: теоретический и описательный подходы*, Конференция «Типология морфосинтаксических параметров»: доклад, МГГУ, Москва 2011.
- Д.Н. Ушаков, *Толковый словарь русского языка*, в 4 т., Сов. энцикл.–ОГИЗ, Москва 1935–1940.
- У.Н. Фысина, *Субстантиваты в русском языке: стилистический и семантический аспекты: диссертация кандидата филологических наук*, Москва 2007.
- Н.Ю. Шведова, *Русская грамматика I.*, Издательство «Наука», Москва 1980.
- Н.Ю. Шведова, *Русская грамматика II.*, Издательство «Наука», Москва 1980.
- Н.Ю. Шведова, В.В. Лопатин, *Русская грамматика*, 2-е изд., исправл., Рус. яз., Москва 1990.
- К.Э. Штайн, *Переходность и синкретизм в свете деятельностной концепции языка // К. Э. Штайн, Языковая деятельность: переходность и синкретизм*, Изд-во Ставропольского университета. Ставрополь–Москва 2001.

- Л.В. Щерба, *О частях речи в русском языке* // Л.В. Щерба, *Избранные работы по русскому языку*, Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, Москва 1957.
- Л.В. Щерба, *Современный русский литературный язык* // Л.В. Щерба, *Избранные работы по русскому языку*, Аспект Пресс, Москва 2007.
- В.Н. Ярцева, *Лингвистический энциклопедический словарь*, Сов. энциклопедия, Москва 1990.
- А.Г. Яцкевич, *О субстантивной транспозиции русских прилагательных в речи. Научные доклады высшей школы* // «Филологические науки» 1977, № 4.
- Л.Г. Яцкевич, *Категориальные значения частей речи. Функционально-типологическое исследование*, изд-во «Русь», Вологда 2004.
- V. Barnetová, H. Běličová-Křížková, O. Leška, Z. Skoumalová, V. Straková, *Русская грамматика 1*, Academia, Praha 1979.
- J. Bauer, R. Mrázek, S. Žaža, *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy II*, SPN, Praha 1996.
- M. Grepl, P. Karlík, *Skladba češtiny*, Votobia, Olomouc 1988.
- B. Havránek a kol., *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy I*, SPN, Praha 1961.
- P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusínová, M. Grepl, *Příruční mluvnice češtiny*, vyd. 2., opr. [i.e. 4. vyd.], Nakladatelství Lidové noviny, Praha 2012.
- F. Štícha, *Akademická gramatika spisovné češtiny*, Academia, Praha 2013.
- L. Vobořil, *Синкретизм и полифункциональность в языке* // L. Vobořil a kol.: *Синкретизм и полифункциональность в языке*, Univerzita Palackého v Olomouci, Olomouc 2014.

Gabriela Lenertová

SYNKRETYCZNE ZJAWISKA W CZĘŚCIACH MOWY:
SUBSTANTYWIZACJA PRZYMIOTNIKÓW
(W JĘZYKU ROSYJSKIM W PORÓWNANIU Z CZESKIM)

Streszczenie

W przedstawionym artykule autor opisuje system części mowy (rzeczownik i przymiotnik), skupiając się na zjawiskach synkretycznych w języku. Główną przyczyną wyboru tego podejścia do opisu systemu części mowy jest założenie, że niektóre zjawiska z trudem udaje się ściśle sklasyfikować. Stosując teorię synkretyzmu, analizowane części mowy podzielono na typowe i synkretyczne na podstawie ich cech syntaktycznych i semantycznych. Autor skupia się przede wszystkim na jednostkach synkretycznych, znajdujących się na skali pomiędzy rzeczownikiem i przymiotnikiem i z punktu widzenia funkcjonalnego należących do kategorii rzeczownika. Zjawisko substancywacji przymiotników opisuje się w językach rosyjskim i czeskim we wzajemnym porównaniu.

СИНКРЕТИЗМ ЧАСТЕЙ РЕЧИ...

Gabriela Lenertová

SYNCRETIC PHENOMENA WITHIN PARTS OF SPEECH:
SUBSTANTIVISATION OF ADJECTIVES
(IN RUSSIAN COMPARED WITH CZECH)

Summary

The article deals with the system of parts of speech (nouns and adjectives) with respect to syncretic phenomena in language. The main reason and goal of this approach to parts of speech system description is the premise that there are always some of them which are very difficult to be classified definitely. Using the theory of syncretism, analyzed parts of speech are divided into typical and syncretic, according to their particular syntactic positions and specific semantic conditions. The author focuses on the syncretic lexis found on the scale between nouns and adjectives: substantivized adjectives, fulfilling the function of nouns. The phenomena of substantivization (also called substantivation) of adjectives is described in Russian language in comparison with Czech language.